

PIOTR FAST
Uniwersytet Śląski

ВЛАСТЬ — ЭТИКА — ЭКЗИСТЕНЦИЯ
(ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ РОМАНА
ПЕТРА АЛЕШКОВСКОГО *КРЕПОСТЬ*)

1.

Один из моих высокообразованных и начитанных коллег, очень активный ученый и критик, который в литературе пытается найти и описать, прежде всего, «ценности», когда я его упрекнул, что он говорит метафорами о метафорах, ответил, — что он верит в их познавательную силу. Несмотря на претенциозность и чрезмерный пафос этого утверждения, мне пришла тогда в голову банальная, может быть, мысль, что по сути дела многие литературоведческие термины, а возможно и целые теоретические концепции — это построения, пользующиеся метафорическим мышлением.

То, о чем пойдет речь, в значительной мере можно сказать также о постколониальной теории (или шире: постколониальных исследованиях), которые сначала предпринимали попытку упорядочения явлений подчиненности и доминации в отношениях колонизирующих и колонизированных культур. С течением времени, однако, эта теория стала удобной «отмычкой», при помощи которой многие пытаются отворить любую «дверь». Ведь выработанные здесь познавательные категории и теоретические построения стали применяться к огромному количеству различных ситуаций, в которых даже само понятие постколониальной теории стало метафорической панацеей¹. Она стала служить

¹ Это явление весьма убедительно анализирует Терри Иглтон в эссе *Postcolonialism and «postkolonialism»*, «Interventions. International Journal of Postcolonial Studies» 1998, № 1, вып. 1: *Ideologies of the Postcolonial*, <https://>

диагнозу и терапии заболеваний, этиология которых крайне отличается от тех, что породили идеи, выработанные Францом Фаноном, Эдуардом Саидом, Хомим Бабой и следующими за ними многочисленными находчивыми и работоспособными исследователями постколониальных культур *sensu stricto*.

Этот диагноз показательным образом иллюстрируется эволюцией этой концепции в Польше, где относительно большая группа исследователей в течение продолжающейся несколько лет дискуссии выработала своего рода «польский вариант» методологических установок. В результате имеем дело с очень интересной системой взглядов, называемых термином «*badania postzależnościowe*», перевод которого на русский язык вызывает определенные трудности — приблизительно можно его перевести, как «исследования в ситуации постзависимости». Результатом этих познавательных процедур стали очень интересные теоретические и интерпретационные работы — к сожалению, нет здесь места даже для их беглой характеристики.

В исследованиях такого рода в России, относительно пока немногочисленных, тоже подвергалось сомнению простое применение понятий, происходящих из «классической» постколониальной теории для описания отношений русской культуры с колонизированными культурами. Под сомнением была, главным образом, правомерность подхода к русской культурной, политической и экономической экспансии как к процессу колонизации. Независимо от того, кто прав в этом споре, следует согласиться, что активность и интеллектуальная занимательность западных концепций, вырастающих в главной мере из *Ориентализма* Эдуарда Саида, породила рефлексию над спецификой русского колониализма и привела к утверждению, что появилась потребность анализа особого характера ситуации России и колониализированных ею культур в сравнении с моделью западной колонизации. Постколониальность постсоветского мира — в определенной степени метафорическая, применяющаяся в кавычках, такая, как это показывает анализ Терри Иглтона — и менталитет россиянина, вырастающий из «колониального» прошлого (интересно, кстати, почему никто не использует данные категории, характеризующая настоящее) стал объектом интеле-

doi.org/10.1080/13698019800510071. См. польский перевод: T. Eagleton, *Postkolonializm i «postkolonializm»*, пер. M. Golinczak, J. Maciejczyk, «Nowa Krytyka» № 26–27 (2011), s. 331–335.

ресных умозаключений, содержащихся в главной мере в работах Мадины Тлостановой².

Уже заглавие одной из ее статей, посвященных проблемам отношений между русскими фантазматами, в которой она утверждает нетождественность постсоветского, постколониального и постимперского, содержит убедительное осложнение этой проблематики в сравнении с непосредственным применением простых аналогий с западным постколониальным мышлением. Из вдохновения постколониальной теорией выросла также применяющая аналогичную метафорику, очень плодотворная и создающая шанс на методологически однородное описание различных постколониальных аспектов русской культуры концепция «внутренней колонизации», разработанная в главной мере Александром Эткиндым³.

Последняя категория является, с моей точки зрения, особенно пригодной, поскольку благодаря ее применению в область постколониальных исследований входит обширная группа проблем, которые уже относительно отдалены от политических, общественных и общекультурных вопросов, и помещаются в области внутренних проблем литературного произведения, в частности поэтики. Литература стала ведь в значительной степени выразителем постколониальных, постимперских и постсоветских феноменов, перерабатывая в художественных образах фантазматы, являющиеся в сегодняшней России источником национальных комплексов, и исследуя их при отсутствии академических работ, в главной мере социокультурных. Мадина Тлостанова определяет состояние вещей однозначно: «[...] сегодня наиболее удачные примеры деколонизации бытия и знания в эстетических формах можно найти в сфере искусства, литературы,

² В таких, например, работах как *Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания*, «Личность. Культура. Общество» 2008, т. 4; *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское, или Что делать после конца истории?* «Личность. Культура. Общество» 2011, т. 13 (№ 67,68). Ср. польский перевод этой работы: *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność, czyli co robić po końcu historii?*, пер. P. Fast, «Er(r)go» 2015, № 2.

³ См. прежде всего его обширную монографию *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, НЛО, Москва 2013, а также отредактированную с его участием огромную книгу: А. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин (ред.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*, НЛО, Москва 2012.

театра и кино, а не в академической среде»⁴. Кажется, что это утверждение является однозначным исследовательским постулатом, указывающим важный отрезок разработок, вдохновением для которых стало постколониальное мышление. Такого рода проект должен принять участие в ряде исследований и интерпретаций символических форм, в которых как в литературе, так и в других отраслях семантического искусства проявляются элементы (пост)колониального сознания. Ведь они являются отображением неосознанных идей и обусловленных ими отношений, поведенческих реакций, которые оказываются результатом устойчиво зафиксированных в общественном подсознании рефлексов зависимости — сложного нагромождения чувства превосходства и комплекса неполноценности, характерного для современных русских⁵. Это нагромождение противоположных психологических мотивировок особенно ярко проявляется, например, в современной заграничной политике Российской Федерации.

Все эти проблемы, что очень естественно, отображаются в текстах культуры, и ярче всего они видны в литературе. Символическая культура создает свои формы отображения такого рода коллективного неосознательного, метафоризирует мир в художественном отображении и преобразовывает его мнимо объективные формы в художественное целое, прикрывающее или отображающее и моделирующее в характеристиках персонажей, построении сюжетных линий, способах создания образов, повествовательных техниках когерентный образ мира. Мир, изображенный в литературном произведении, является художественным эквивалентом идей управляющих реальной действительностью. «Постподчинительные» поведенческие структуры оказываются своего рода генератором художественных решений — анализ произведения дает таким образом шанс на реконструкцию идей, которые организуют реальную действительность.

⁴ М. Тлостанова, *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское...*, с. 103.

⁵ Тлостанова пишет об этом так: «[...] Россия представляет собой особый случай империи-двуликого Януса с одним не очень уверенным лицом, повернутым на Запад и другим — карикатурно цивилизаторским — обращенным на Юг и Восток», там же.

2.

Не углубляясь в анализ ситуации постколониальных исследований в русской культуре (хотя это естественный контекст этой работы), я попытаюсь, используя применяемые в такого рода исследованиях метафоры, разъяснить некоторые аспекты недавно изданного произведения, которое в 2016 году стало лауреатом Русского Букера и одной из самых известных литературных премий — Национального бестселлера. Речь идет о романе *Крепость* (2015) Петра Алешковского. Автор в Польше, к сожалению, почти неизвестен. Если я не ошибаюсь, у нас появился только один перевод его небольшого рассказа, а и то, больше чем двадцать лет тому назад⁶. В России же он популярен (может быть, это отчасти связано с тем, что он является племянником широкоизвестного Юза Алешковского и зятем Натана Эйдельмана) и некоторые среди его романов пользуются далеко немалой популярностью⁷. Эта популярность связана в какой-то мере со своего рода сенсацией, которой стало неприсуждение ему (как пишут некоторые критики: вследствие интриг⁸) в 1994 году премии Русский Букер за роман *Жизнеописание Хорька*. *Крепость* же была встречена в критике крайне противоречивыми голосами — начиная с восхищения и кончая упреками в графомании и попытке потакать примитивным ожиданиям популярного читателя⁹. Предметом внимания не будут здесь, однако, ни пороки, ни положительные черты этого произведения, ни даже

⁶ P. Aleszkowski, *Błogosławieństwa*, пер. J. Czech, «Literatura na Świecie» 1996, № 11–12, с. 139–146.

⁷ Это, среди других, такие произведения как *Старгород*, *Владимир Чигринцев*, *Седьмой чемаданчик*, *Рыба*, *Институт сновидений*.

⁸ *Петр Алешковский: Жизнь стало душно*. Разговор ведет Ольга Тимофеева, «Новая газета» 25.11.2015 (№ 130), <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/25/66523-petr-aleshkovskiy-zhit-stalo-dushno> (13.05.2018).

⁹ Показательны с этой точки зрения, например, следующие рецензии: А. Кузьменков, *Средняя температура по больнице*, «Урал» 2017, № 1, <http://magazines.russ.ru/ural/2017/1/srednyaya-temperatura-po-bolnice-pr.html> (02.06.2018); И. Богатырева, *Финальный побег (Петр Алешковский, «Крепость»)*, «Новый мир» 2016, № 3, http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2016/3/finalnyj-pobeg-pr.html (02.06.2018); Д. Облинова, *Петр Алешковский, «Крепость»*, «Звезда» 2016, № 12, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/12/petr-aleshkovskij-krepost.html> (02.06.2018); А. Жучкова, *Мышь, увеличенная до размеров слона*. «Крепость» П. Алешковского, «Вопросы литературы» 2017, № 6, <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/6/mysh-uvelichennaya-do-razmerov-slona-pr.html> (02.06.2018).

обоснованность оценок, формулируемых очередными критиками. *Крепость* Алешковского интересна для меня исключительно как текст, создающий возможность интерпретации с (пост)колониальной или (нео)империальной перспектив.

Следует в этом контексте отметить существенный для этой проблематики факт, а именно то, что сегодняшнее национальное сознание россиян построено так, что они «склонны кодировать имперское различие как постколониальность»¹⁰. Это ведет к утверждению, что оба эти вида идей и поведения соединяются неким архисемом, который — упрощая — можно интерпретировать как подчинительную зависимость: колонизирующего и клонируемого, центра и периферии, власти и подчинения власти и т.п. Все это ведет к заключению, что любые проявления подчиненности являются способом метафоризации (нео)империальности и (нео)колониальности, работая по принципу метонимии или синекдохи.

3.

Исходя из вышесказанного, я намереваюсь прокомментировать некоторые составные элементы романа Петра Алешковского, ставя перед собой цель поиска проявлений различных форм подчинения, которые подвергаются описанию в колониальных/имперских категориях.

Главный герой романа — Иван Сергеевич Мальцов — является человеком очень высоких этических качеств. Работая археологом в музее в небольшом, но древнем городке, он предается своей работе независимо от того, что она плохо оплачивается и что конкуренты и люди, которым он подчиняется по службе, различными способами осложняют реализацию его целей, ведя свою борьбу за деньги и власть. Не понимая его идеалистических устремлений, его оставляет жена — причем она уходит к предприимчивому профессиональному конкуренту Мальцова. Обиженный на героя директор музея увольняет его с работы. Помогает же ему местный олигарх, который ценит профессионализм и независимость археолога, но одновременно желает использовать его для своих целей. Мальцов, желая оторваться от всех

¹⁰ М. Тлостанова, *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское...*, с. 101.

этих дел, выезжает из города и начинает жить в бывшем доме родителей в деревне. Профессиональные и связанные с ними семейные перипетии героя составляют одну из трех сюжетных линий романа. Вторая — связана с его пребыванием в разваливающейся современной деревне, третья же — содержит описание судьбы гипотетического предка Мальцова, жившего во времена монгольского нашествия на Русь — действие этой части романа является содержанием снов и наркотических видений героя (я этот сюжет оставлю здесь без внимания).

Во всех этих сюжетных линиях подчеркивается независимость Мальцова (и являющегося его «идейным» двойником героя исторического пласта произведения), а также, особо подчеркиваемое в романе, его стремление к реализации высоких ценностей. Мальцов с огромной жертвенностью и самозабвением предается исследованию истории, противопоставляя себя таким образом современным обычаям людей в России — стремлению к личному материальному благополучию, нечестности в использовании общественных денег, уклончивости, nepoтизму, беспощадности в реализации личных целей и т.п. Мальцов с этой точки зрения абсолютно безупречен, он безгранично соблюдает этические нормы и не подчиняется общепринятым принципам фальшивой лояльности вопреки закону и чести. Естественно, что в результате такого поведения он исключается из всех групп интересов и не может найти общий язык с женой, которая, вопреки основным принципам, коварно отнимает у него права на квартиру. Давление внешних псевдоценностей, контрастных по отношению к принципам поведения героя, является проекцией подчинения. Мальцов становится Другим-Чужим. Его поведение уподобляется, как замечает критика¹¹, герою известной драмы Александра Грибоедова *Горе от ума*. Схожесть этих образов состоит в противопоставлении стремления к правде и реализации этических норм при одновременном протесте против общепринятых стандартов поведения — нечестности, безрассудности, личным интересам. Стоит напомнить, что герой Грибоедова в итоге считается всем обществом сумасшедшим и попадает в психиатрическую больницу.

Принципы, которыми руководствуется Мальцов, и его поведение, противопоставляющееся ожиданиям и делам различных

¹¹ И. Богатырева, *Финальный побег...*

«великих мира сего», определяют его позицию не только как Другого, но и по сути дела — как Врага. Крайняя, абсолютная честность и отдача героя ярче подчеркивает нечестность и пренебрежение этическими принципами других, что является источником их дискомфорта. Кроме того то, что делает Мальцов, просто угрожает их выгоде. Роль субалтерна, как это определяется в постколониальной теории, ставит героя в ситуации внутренней колонизации — вне любой зависимости от ценности его взглядов и обосновании его действий все, что он делает и говорит, воспринимается как зло, приводит к непониманию и оценивается как угроза.

Официальность — следует, однако, помнить, что действительность романа представляется не только провинциальными властями и местными бизнесменами, но также чиновниками из центральных органов власти — колонизирует, подчиняет локальные представления, которые измеряются Мальцовым категориями истины, рациональности и честности. Более того, то, что официально, выступает явно против ценностей, которые он проповедует. Власть, колонизирующая мышление и действия человека, субъективную правду конкретной личности, которая идентична вытекающим из исторического опыта и этических предпосылок локального субалтерна, определяется, благодаря натуральным в нашей культурной среде ценностям, как насильственная, опрессивная, Чужая.

По похожим принципам, хотя, конечно, согласно другим ценностям, создается аксиологическая система «деревенского сюжета». Алешковский вписывается в этих частях романа в явно присутствующую в современной русской прозе тенденцию представления деградации и дегенерации поколхозной деревни. Стоит в этой связи напомнить характерные, очень популярные и высоко оцениваемые критикой романы — *Елтышевы* (2009) Романа Сенчина или *Крестьянин и тинейджер* (2011) Андрея Дмитриева.

Мальцов попадает в деревню, в которой свет горит вечером только в двух избах — после его приезда в трех. В одной живет женщина, являющаяся олицетворением идеализированных в романе ценностей русского крестьянства (похоже на то, как во всей книге идеализируется поведение Мальцова). Столь явная деструкция деревни, как ее представляет Алешковский, оказывается проявлением перемен и попираания давних цен-

ностей — модернизация колонизировала деревню. Неолиберальная политика и экономика привели к тому, что деревня, ее обычаи и религиозное обоснование ценностей нашлись на полях прогресса. Отказ от принципов, управляющий деревней в прошлом, отношение к ним как к анахроничным, привели к абсолютной ее дегенерации. Уничтожение глубокой духовности и древней деревенской общины перестроили тоже ее этику и экономичку. Деревня стала в новой России чужой. Внутренняя колонизация, содержащаяся в отказе от коренных ценностей, перестроила деревню, превратила ее — существующую в прошлом как источник морали — в руины. Это очень наивная картина, но все-таки она приносит ярко выраженную мысль о колониационных стремлениях и поражающих результатах процессов такого рода.

С этой точки зрения интересной кажется жизнь героя в деревне. Похоже, как в городе, он не умеет принять обязывающих здесь принципов поведения. Ирина Богатырева справедливо замечает, что «Мальцов, не понявший якобы новых, невесть откуда взявшихся законов капитала в городе, так же не способен понять старых, сложившихся поколениями законов деревни»¹². Это очень интересный мотив, который преобразовывает понимание внутренней колонизации. Поведение Мальцова, его интерпретация обоих этих аспектов действительности приводит к важному умозаключению. Новые законы капитала (власти) подчиняют локальные ценности, обесценивают их и приводят к тому, что фактор внешний по отношению к герою ведет его к отказу принимать участие в новой, формирующейся действительности — это первый этап описываемого Алешковским процесса. Протест против колонизирующей прессы мира приводит героя к решению возвратиться к первичному для его идентичности миру деревни, который символизирует в его сознании ценности, созревающие в российском обществе испокон веков. Стоит добавить, что Мальцов намеревается заняться в деревне научной работой, которая является для него высшей ценностью. Результат этого решения, однако, его разочаровывает. Деревня, оказывается, уже давно перестала быть вместилищем ожидаемых Мальцовым ценностей. Колонизированная модернизацией, разрушенная идеологической хищнической колхоз-

¹² Там же.

ной экономикой, опущенная всеми, кто в самоубийственном стремлении заверили иллюзии цивилизационного прогресса, она стала пустым местом, лишенным духовности и не способствующим к творческому труду. Империяльное центральное правление высосало из нее все силы и оставило в состоянии вегетации. Оба мира, в которых жил Мальцов, потеряли существенную для него идентичность. Герой думает об этом чересчур патетически: «Красоту и изящество сменила суровость, восторжествовавший повсюду штамп исключил бытовавшую прежде многоликость»¹³. Эквивалентом такого рода без-жизни является в деревне повальное пьянство, которое играет в семантике романа самую существенную роль.

Мальцов сам оказывается периодическим алкоголиком. Когда жизнь кажется ему бессмысленной, когда он теряет веру в возможность реализации ценностей, которые руководят его поведением, начинает пить. Сознание (или бессознание) Мальцова раздваивается. С одной стороны, он человек своей идеи, высокой морали, чувства ответственности за свой мир и тождество с историей нации и мира. С другой же, похож на двойников Гоголя или Достоевского, он существует в двух, как может показаться, исключаящихся лицах. Его отчуждение, несоответствие новому миру и провал в поисках идентичности оказываются формой подсознательного протеста, почти тотального противостояния всему, что человека колонизирует и подчиняет. Мальцов, являющийся в романе внутренним Другим — интеллигентом, не умеет совладеть с конфликтом официального легитимизма и потребностью реализации своей правды, что приводит к раздвоению личности: он с одной стороны является ученым (представляющим этическое начало), с другой — пьяницей (существующим в мире эмоционального).

Мальцов не борется при этом за абстрактную, анархистскую свободу личности. Объектом его действий является глубоко понятый этический идентитет. «Вторая жизнь» героя, когда он становится человеком лишенным ответственности и ясного сознания, выполняет роль аллегории внешнего мира, который подчиняет сознание человека, расстраивает его внутреннюю гармонию и когерентность. Александр Эткинд, анализируя в книге о внутренней колонизации феномен двойника, описы-

¹³ П. Алешковский, *Крепость*, Издательство АСТ, Москва 2015, http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14393300 (02.06.2018),

вает его как текстовый показатель колонизирующего давления. Отчуждение героя, его раздвоенное существование оказывается метафорой империяльного давления деструктурированной действительности на героя. Такого рода распад внешнего мира становится результатом культурного подчинения и вытеснения из колонизированного мира его оригинальных ценностей. Отчуждение является формой проявления контестации, протеста, который оказывается эквивалентом антиколониального сопротивления.

Внутренняя колонизация в романе описывается Эткиндоном как иерархическая структура. С одной стороны, имперский центр подчиняет и приводит к снижению оригинальные локальные ценности, которые, в свою очередь, когда уже ими правит фальшивое сознание, вводят раздвоенность во внутреннюю структуру ценностей интернализируемых носителями этого давнего локального мировоззрения.

Магина Тлостанова описывает это явление с необыкновенной яркостью, видя в нем последствие идеологизированного советского сознания, которое противопоставляется чувству утраты имперской позиции россиян:

В темной колониальной стороне советской модерности был сконструирован второсортный советский гражданин – не взирая на интернационалистские слоганы, провозглашение цели расового смешения населения с целью создания будущего советского метиса со стертой этничностью, воспитанного на русской культуре и советской идеологии. Двойные стандарты действовали и в этой сфере, где на словах утверждалась необходимость стирания колониального статуса, а на деле выстраивались невидимые, но прочные границы, стены и стеклянные потолки, не позволявшие колониальному субъекту стать действительно равным в правах, самостоятельным и свободным в сфере образования, карьерных возможностей, самореализации. В результате родилась крайне проблематичная советская колониальная идентичность, которая имеет много общего с постколониальной расколотовой и негативной самоидентификацией, укорененной во внедомности и промежуточности¹⁴.

Алкоголизм Мальцова оказывается результатом и проявлением внутренней колонизации — конфликта власти (деньги и подчинение) и простого человека, внутреннего субалтерна — в структуре психики героя. Такого рода ментальная колони-

¹⁴ М. Тлостанова, *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское...*, с. 102.

зация, приводящая к распаду личности, является, как кажется, центральной проблемой анализируемого романа. Другое дело, как Алешковский ведет индивидуальную судьбу своего героя. Он делает это так, чтобы символизированным в его лице ценностям не отнять высокого ранга, чтобы создать в аксиологической системе романа существенную иерархию ценностей, которая соответствует мифологическому русскому стандарту духовности и истины.

Автор таким образом возводит своего героя в ранг спасителя человечества. «Настоящий интеллигент» (у Эткинды — Человек культуры) реализует здесь топос жертвы. Его бременем является высокое сознание, которое входит в конфликт с невозможностью реализации целей, существующих для него как обязательные. Таким образом, он становится экспонентом травмы внутренней колонизации.

Роман стремится прямым путем к реализации синдрома жертвы — Мальцов (его образ является синекдохой русской интеллигенции) становится внутренним Другим, взявшим на себя роль жертвы модерности, важнейшей чертой которой является всеобъемлющая колониальность¹⁵. Самым существенным является здесь то, что Мальцов ни в чем не виноват, он искрещен и верен абстрактным, сегодня может быть немного анахроничным, идеалам. Он противопоставляется таким образом неминуемому, как кажется, подчинению.

Но именно поэтому он является идеальной жертвой. Александр Эткинд справедливо замечает: «Жертвоприношение — это не наказание и не месть, лучшие жертвы всегда невинны»¹⁶.

Алешковский, однако, умерщвляет своего героя, что Ирина Богатырева считает решением непонятным¹⁷. Кажется, нельзя

¹⁵ Мадина Глостанова определяет эту ситуацию следующим образом: «[...] все мы [...] отмечены в разной степени и формах глобальной колониальностью как неотъемлемой чертой модерности. Последствием является не критическое приятие существующей иерархии мира, когда всем назначено определенное место, и люди, даже будучи не удовлетворены этим местом (как в случае со многими европейскими постсоциалистическими странами, превращающимися в сервисные государства, обслуживающие «настоящих» европейцев), напуганы до смерти мыслью о его понижении», там же, с. 108.

¹⁶ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, с. 364.

¹⁷ Ср.: «Надо признать, гибель Мальцова вызывает оторопь. Она неожиданна, ничем сюжетно не предвосхищается, в нее даже не верится до конца. Она больше похожа на буквальное воплощение авторской идеи о ненужности в наше время такого типа людей». И. Богатырева, *Финальный побег...*

больше ошибиться в интерпретации такой развязки романа. То, что такие люди как Мальцов оказываются в сегодняшней действительности лишними, является лишь только показателем давления внешних факторов. Алешковский приводит, однако, своего героя к смерти-награде, благодаря которой его мировоззрение и поведение в жизни получают статус идеального образца. Мальцов отнюдь не таков, как «лишние люди» в литературе XIX века. Его судьба становится не столь метафорой жизненной непригодности, сколько указателем авторской идейной позиции. Конечно, это очень наивно, но, может быть, с перспективы автора необходимо. Благодаря этому решению сам роман становится неким образом субститутом жертвенного ритуала¹⁸. Жертвенный ритуал восстанавливает ведь равновесие, канализирует агрессию и рождает в группе-субалтерне чувство безопасности. Смысл такой жертвы, ее цель — это, однако, отчасти иллюзия. Успокаивая «защитников истины», убажанных жертвенным ритуалом, она тем временем создает бóльшие шансы агрессии их антагонистам. Не должна в этой связи внимательного и знающего Россию читателя удивлять мысль, выраженная в одном из комментариев к роману. Критик делает важное заключение: «Гессе называл роман *Степной волк* предупреждением против фашизма. Таким же предупреждением становится история археолога Мальцова»¹⁹.

Piotr Fast

WŁADZA — ETYKA — EGZYSTENJA
(UWAGI O POWIEŚCI PIOTRA ALESZKOWSKIEGO *TWIERDZA*)

Streszczenie

Wykorzystując metaforyczne konotacje terminologii wypracowanej na gruncie teorii postkolonialnej, autor przeprowadza analizę mechanizmów wewnętrznej kolonizacji rządzących światem powieści Piotra Aleszkowskiego *Twierdza*.

¹⁸ Похоже подытоживает такого рода решения Александр Эткинд — *Жертвенные сюжеты // того же, Внутренняя колонизация...*, с. 354–380.

¹⁹ А. Жучкова, *Мышь, увеличенная до размеров слона...*

ВЛАСТЬ — ЭТИКА — ЭКЗИСТЕНЦИЯ...

Piotr Fast

POWER — ETHICS — EXISTENCE
(SOME COMMENTS ON THE NOVEL *FORTRESS* BY PIOTR ALESHKOVSKY)

Summary

Using metaphorical connotations of terms elaborated within a postcolonial theory the author analyzes mechanisms ruling in the world of the novel *Fortress* (*Крепость*) by Piotr Aleshkovsky.